

ХИЖНЯКОВ Н. Н. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ХИЖНЯКОВ Николай Николаевич, родился в 1869 в деревне Глинная Пинского уезда (Белоруссия). В молодости служил по найму у богатых помещиков в Польше, в начале 1900-х — купил клочок земли в селе Глипния Пинского уезда Минской губ., занимался сельским хозяйством. В 1909 — окончил Сельскохозяйственную Академию в Гилле (Германия), агроном, специализировался по рыбоводству в Витеппну (Бавария); вернулся в Белоруссию, занимался сельским хозяйством и научными исследованиями. Женат, в семье — шесть детей. Член партии РКП (б), в 1918 — секретарь ревкома, затем заведующий отделом в Наркомате земледелия. В 1919 — красный партизан, шесть месяцев провел в плену у белополяков, пережил истязания, хозяйство было разорено, семья подверглась преследованиям. После установления советской власти вернулся в село Глипния, занимался научными работами по изучению ихтио-флоры и фауны местных водоемов. 13 октября 1930 — арестован по подозрению в шпионаже, 7 января 1931 — отправлен в тюрьму, 11 января приговорен к 3 годам ссылки в Западную Сибирь¹ и отправлен в деревню Усть-Тын Каргасовского района, Нарымского округа. В декабре 1932 — обратился за помощью к Екатерине Павловне Пешковой².

<26 декабря 1932>

«В Помощь Политзаключенным
Москва, Кузнецкий мост, 24

Екатерине Павловне Пешковой.

Приношу глубочайшую, сердечную благодарность за исполнение моей просьбы, выразившееся в Вашем сообщении от 26/VIII с<его> г<ода> за № 23386. Помимо признательности о наведении справок о моей семье, очень благодарен и за присланные мне почт<овые> марки, конверты и бумагу. Да, пришлось убедиться на третьем году страданий, что есть еще добрые, отзывчивые к чужому горю люди на свете, относящиеся к нам париям, отверженцам неба и земли, заживо здесь погребенным, по-чело-вечески, а не со злобой, ненавистью или глубоким презрением и равнодушием к нашим страданиям, как большинство местной разнородной власти и даже жителей, которым внушено, что мы — нелюди. Не буду много распространяться на эту тему, скажу лишь, что, сколько я не подавал заявлений и жалоб как местной власти, так и в свой центр (ЦИК и П<олномочное> П<редставительство> ОГПУ Белоруссии) ниоткуда ни разу не получал ответа. Простите, что своей болтовней отнимаю Ваше драгоценное время, но уж очень исстрадались душа и сердце.

Позволяю себе, в силу обстоятельств, вновь просить Вашей помощи и содействия. Дело в том, что я все же до сего времени не имею никаких вестей о моей несчастной нищенствующей семье, — очевидно, и Ваше письмо не дошло до нее, и я убежден, что местный с<ельский> совет, мстя мне, уничтожает всю корреспонденцию, адресованную моей семье. Ввиду этого, прошу Вас, будьте добры, не откажите затребовать от моего с<ельского> совета подробные сведения о том, где моя семья, что с ней делается, и почему нет ответа на все мои письма, а равно и на Ваше (Конковичский с<ельский> сов<ет> Петриковского р<айо>на Мозырского окр<уга> Белоруссии — п<очтовое> о<тделение> Петриков), ведь с момента моего ареста в г<ороде> Новосибирске, т<о> е<сть> с 13 октября

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 775. С. 196-200. Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.

² Исправлены ошибки и поставлены знаки препинания.

1930 г<ода> я до сего времени не получил ни одной весточки о моей семье, состоящей из восьми малолетних детей и жены, неграмотной местной крестьянки, причем, и это самое ужасное, остались они там буквально нищими, ибо у них отняли все и выгнали из родного дома на улицу. И до этого момента моя семья вела полунищенское существование, а теперь, по всей вероятности, дети либо нищенствуют, или батрачат, а быть может, и в "беспризорных" обратились.

В посланном мне извещении Вы писали, что материальной помощи семье моей в настоящее время не можете обещать, но я под этой помощью подразумевал не денежную помощь, ибо она им ничего бы не дала, как временный полиатив, я мечтал о том, чтобы моих детей вырвать из тамошней ужасной обстановки и жизни, хотя бы трех старших, и пристроить их к какому-нибудь делу.

Надеюсь, что в этот раз Вы меня чем-либо порадуете, и буду с громадным нетерпением ждать от Вас ответа.

Н. Хижняков

26/XII-1932 г<ода>.

д<еревня> Усть-Тын»³.

В тот же день Николай Николаевич Хижняков отправил второе письмо в Помполит с подробностями о материальном положении административно ссыльных.

«От Николая Николаевича Хижнякова, осужденного П<олномочным> П<редставительством> ОГПУ БССР к 3-м годам ссылки в Сибирь по подозрению — по п<ункту> 6 ст<атьи> 58-й УК, с зачетом срока с 25 октября 1930 г<ода> (дело № 10090), местожительство: д<еревня> Усть-Тын Кольчукского с<ельского> с<овета>, Киргансыкского р<айо>на, Нарымского окр<уга>, Зап<адная> Сибирь.

Еще забыл сообщить Вам следующее: работы ни физической и по специальности здесь почти нельзя иметь (я ученый-рыбовед, агроном, окончил С<ельско>х<озяйственную> Академию в г<ороде> Галле (Германия), специализировался по рыбоводству в Витеппну (Баварии), мне теперь 64 года, сил и здоровья нет. Между тем, нам, адм<инистративно> сс<ыльным>, не выдают пайки, т<о> е<сть> право ежемесячно получить муку для хлеба, несмотря ни на какой возраст, если нет справки о нетрудоспособности от врачебной комиссии, хотя думается, что в таком возрасте человек, никогда физически не работавший, не может считаться трудоспособным, но здесь на это смотрят иначе, и таких стариков гонят на ударные работы по лесозаготовкам в обязательном порядке. Кроме того, и с выдающимся некоторым счастливым пайком творится тоже что-то странное, — в моем Колчукском с<ельском> с<овете> выдают месячный паек в размере 7 к<ило>г<рамм>, а в соседнем с<ельском> совете — в 20 верстах (Тымский) тот же месячный паек выдается в размере 9 к<ило>г<рамм> 600 гр<амм>. И вот получается, что с<ельский> с<овет>, прикрепленный к Колчукскому с<ельскому> совету получает ежемесячно на 2 к<ило>г<рамм> 600 гр<амм> муки меньше, чем тот же с<ельский> с<овет>, прикрепленный к Тымскому с<ельскому> сов<ету>. Почему это так, остается загадкой, ибо от местной власти объяснения добиться нельзя,

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 985. С. 215-216. Автограф.

а, между тем, жизнь здесь страшно дорогая, и тем более этот вопрос важен, что на рынке муки совсем нет, ибо хлеба не сеют. Кроме мучного питания, адм<инистративно> сс<ыльным> в Интерфине ничего не дают — ни мыла, ни керосина, ни клочка мануфактуры — абсолютно ничего, ни даже крупы либо сахару, можете себе представить, как приходится жить здесь, если как я, и многие другие не имеют поддержки, т<о> е<сть> посылок или денежных переводов из России. В конце концов, действительно от души завидуешь тому, кто раньше тебя умирает, и лишь обязанности перед семьей удерживают от самоубийства.

Н. Хижняков»⁴.

В декабре 1933 — Николай Николаевич Хижняков вновь просил помощи Помполита⁵; а в феврале 1934 — обратился к Екатерине Павловне Пешковой за советом.

<3 февраля 1934>

«В "Помощь Политзаключенным"

Москва, Кузнецкий мост, 24.

Е<катерине> П<авловне> ПЕШКОВОЙ

от бывшего ад<министративно>
с<осланного> Хиженякова⁶ Николая
Николаевича, проживающего в с<еле>
Тымске Каргасовского р<айо>на
Северного окр<уга> Зап<адной>
Сибири, осужденного постановлением
П<олномочного> П<редставителя>
ОГПУ Белоруссии от 11 января 1931
г<ода> к вольной высылке в Сибирь на
3 года с зачетом срока с 25 октября
по п<ункту> 6 ст<атьи> 58 УК, дело
№ 16090

Заявление

Я отбыл безропотно свой тяжелый трехлетний срок наказания здесь, в ужасных условиях Нарымского края, приехал еще вполне здоровым человеком, а теперь причислен врачебной комиссией к инвалидам 2-й категории. Отпущен без минусов с правом повсеместного жительства — паспортные данные: мне 60 лет, по специальности ученый агроном-рыбовод, окончил с<ельско>х<озяйственную> академию в Германии в г<ороде> Гилле, на родине — в Мозырском округе Петраковского района, дер<евня> Одырки оставил без всяких средств к существованию — на произвол судьбы семью из 8 душ — жены и 7 детей, из которых старшей дочери было 16 лет, а младшему 2 года, с момента моего ареста 13/X - 1930 г<ода> в г<ороде> Новосибирске, где служил в Зап<адно>- Сиб<ирском> крае Союза ССР, и до сего времени не имею никаких сведений о судьбе моей несчастной семьи, хотя писал отсюда всем, кому только мог, и обращался в 1932 году и к Вам, прося узнать о судьбе своей семьи, но ниоткуда ни от кого ответа не получил. Никогда в жизни на государственной службе при старом режиме не служил, а служил по найму у богатых помещиков в Польше, где за 11 лет тяжелой службы скопил около 7 тыс<яч> рублей, вернулся на родину, купил клочок земли, женился на местной крестьянке беднячке и 25 лет прожил безвыездно в деревне у себя,

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 985. С. 215-217. Автограф.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1016. С. 75-77, 79.

⁶ Неправильно написана фамилия — Хиженяков, далее везде — Хижняков.

занимаясь хозяйством и научными работами по изучению ихтио-флоры и фауны водоемов Белоруссии. С 1917 года и по 1930 год — до ареста непрерывно служил Сов<етской> власти, был партийным, пережил эпоху военного коммунизма, был Красным партизаном (на военной службе никогда не был, эвакуировал урожай из бывших помещичьих имений при наступлении белополяков, с данным в мое распоряжение отрядом красных продармейцев, зачастую при этом приходилось работать с опасностью для жизни за демаркационной линией). Занимал разные посты, начиная с секретаря ревкома и зав<едующего> военным отделом, и кончая зав<едующим> отд<елом> рыбоводства и охоты Нарком<ата> зем<леделия> Белоруссии, где был председателем месткома МКЗ, был пом<ощником> Губ<ернского <нрзб.> Гомельского Губ<ернского> Прод<овольственного> ком<итета>, состоял членом Профсоюза <нрзб.> в 1919 г<оду>.

В 1919 году был схвачен белополяками и просидел у них в <нрзб.> 6 месяцев подвергаясь истязаниям <нрзб.>), и моя местность в то время была занята белополяками, и моя семья также за меня подвергалась истязаниям, мое трудовое хозяйство они разорили дотла, сделав меня нищим, и с тех пор я уж не мог подняться на ноги в материальном отношении. Все это может подтвердить целый том моих личных документов, находящихся в моем деле в ОГПУ, а также и все местное крестьянство на моей родине — в Петраковском районе. Я же родился и жил, до учения в Германии, в с<еле> Глипния Святовольской волости Пинского уезда, бывш<ей> Минской губ<ернии>, сын крестьянина села Глипния, и все же был осужден по такому грязному пункту — шпионаж. Теперь должен сказать, что я был осужден совершенно невинно, что с таким же успехом мне можно было приписать что угодно, хотя бы и покушение на занятие китайского престола, и я решил во что бы то ни стало, ради своей чести и ради своих детей, снять с себя грязное незаслуженное мною пятно, хочу добиться пересмотра моего дела и полной реабилитации, но не знаю куда, к кому и в какой форме для этого обращаться, и потому прошу Вас, не откажите сообщить мне подробно, куда и к кому мне подавать, и в какой форме заявление с просьбой о пересмотре и новом расследовании моего дела в целях реабилитации, это для меня теперь является вопросом не только чести и справедливости, но и вопросом моей жизни и жизни моей семьи, ибо для меня невыносимо тяжело носить на себе позорное клеймо человека, заподозренного в шпионаже, и оставить своим и так несчастным детям-сиротам такое ужасное наследство.

Прошу очень и очень, дайте мне возможно скорей, ответ на этот вопрос, ибо пока я не начну этого дела, я буду страдать и мучиться душевно, как и теперь, а жизнь здесь, вечно полуголодному без всяких средств к существованию и так сама по себе не сладка.

Простите, что плохо пишу, но очень волнуюсь, да и условия квартиры и освещения таковы, что трудно лучше писать, кроме того, вследствие ранения белополяками в стычке, когда был в партизанском отряде, пальцы плохо повинуются.

Н. Хижняков.

3/II - 1934 г<ода>.

С<ело> Тымск»⁷.

В тот же день Николай Николаевич Хижняков отправлен Екатерине Павловне Пешковой второе письмо, где просил материальной помощи.

<3 февраля 1934>

⁷ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1083. 111-112. Автограф.

«В Помощь Политзаключенным
Москва, Кузнецкий мост, 24.
Е<катерине> П<авловне> Пешковой

от бывш<его> административно>
с<сылного> Хижнякова Николая
Николаевича, проживающего в
селе Тымске, Каргасовского
района, Северного окр<уга>,
Зап<адно>-Сиб<ирского> края.

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Чтобы не отнимать у Вас драгоценное время, не буду о себе подробно распространяться, ибо вкратце я даю о себе сведения в прилагаемом заявлении. Решаюсь обратиться к Вам с просьбой, так как больше мне не к кому обратиться, — все потеряно, и семья, и знакомые, а между тем от Вас, вернее от Вашего решения и ответа на мою просьбу будет зависеть моя дальнейшая жизнь и участь.

Дело в следующем: я отбыл срок, имею чистый документ и специальность, в которой здесь, т<о> е<сть> в хлебоборных районах Нарымского края близь Томска сильно нуждаются, — я ведь агроном с высшим заграничным образованием и многолетней практикой, и мне есть уже предложения, но дело в том, что я теперь нищий в буквальном смысле слова. Три года здесь я прожил, не получая ниоткуда ни гроша. Распродал все, что имел до ниточки, чтобы не умереть с голода, — хлеба купить тут нельзя — нет его, картофеля в этом году тоже нет, был неурожай, а что собрали, сгнило, пайка с июня прошлого года не дают и денежных пособий тоже, последние месяцы питаюсь падалью, главным образом несколькими картошками да изредка кто-либо из местных крестьян уделит хлебную корочку или кусочек — в виде милостыни — нет сил и кричать, к тем физическим страданиям, которые здесь переношишь, вдобавок к душевным. А теперь, когда и можно бы уехать в хлебный район близь Томска, где все есть (Читинский или Кривошеинский), в качестве агронома в колхоз или совхоз, и куда меня приглашают, я не могу, т<ак> к<ак> нет никаких средств, а между тем проезд туда отсюда — свыше 400 верст на лошадях, включая питание в этой дороге будет стоить минимум, при сильно жесткой экономии, двести рублей.

Моя мечта уехать сейчас туда служить, послужить до осени с тем, чтобы скопить из зарплаты необходимую для проезда на родину в Белоруссию сумму денег и с последним парохом — в конце сентября уехать в Томск и оттуда домой к семье, ибо душа исстрадалась за детьми. Вот я и хочу не только просить Вас, но умолять — одолжите мне, если возможно, 250 рублей (50 рублей на экипировку, т<ак> к<ак> выгляжу теперь настоящим оборванцем), а если нельзя, то 200 рублей, необходимые, чтобы туда добраться, пошел бы пешком, но, к сожалению, сил нет, — совсем ослаблен от постоянной голодовки. С момента поступления на службу буду ежемесячно Вам переводить по 40 руб<лей>, и таким образом в 5 мес<яцев> расплачусь. В том, что я свое обещание выполню, можете быть уверены, ибо подлецом и мошенником никогда не был, а всегда пользовался уважением и доверием честных людей, и не моя вина, смею Вас уверить, что по воле судьбы на старость лет стал преступником.

Еще раз прошу Вас, не откажите мне и помогите уйти отсюда живым, это будет спасением для меня и для моих детей.

Буду Вас просить, если исполните мою просьбу, перевести деньги в Тымск, где есть почтовое отделение, и главное, как можно скорей, ибо уже и продавать нечего, да и подают мало, ибо у населения с пайком очень туго.

Попрошу еще немного бумаги для писем, — тут ее нет совсем никакой, несколько марок и, если возможно, то и по возможности подробную карту Западной Сибири (географическую).

Простите, пожалуйста, мою смелость и попрошайничество, но силы обстоятельств таковы, что заставляют волей-неволей быть попрошайкой. Вы не можете себе представить, с каким нетерпением и какими надеждами я буду ждать Вашего ответа, который, быть может, даст мне возможность стать вновь культурным человеком и полезным членом общества.

С глубоким к Вам уважением остаюсь

Н. Хижняков.

3/II - 1934 г<ода>

С<ело> Тымск»⁸.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1083. С. 113-114. Автограф.